

К СОВРЕМЕННОСТИ

Л.Н. Филюк, А.В. Марчевская

кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностранных языков гуманитарных факультетов;
студентка IV курса философского факультета;

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова
Тел. +38063-843-64-23; e-mail: alisyasharmed@bigmir.net
Тел. +38094-952-16-05; e-mail: fln29092012@mail.ru

Марк Оже – французский специалист по этнологии современности и пост-современности, исследователь повседневной жизни развитых обществ Запада. Объект его преимущественного внимания – «ничейные пространства» места кратковременного и анонимного обитания, скоротечного прохода и проезда, метро, вокзалы, аэропорты, гостиницы, супермаркеты. В статье «К современности» из книги «Антропология для современных миров» рассказывается о современном состоянии антропологии как науки и ее взаимосвязи с сопутствующими ей дисциплинами. Автор освещает разные аспекты критики антропологии прошлого в современном мире и объясняет ее недостатки. Одним из ключевых понятий современной антропологии автор называет понятие офсайда, используя его как критерий оценки.

Ключевые слова: антропология, современность, этнология, пост-современность, общество.

Марк Оже – французський фахівець з етнології сучасності і пост-сучасності, дослідник повсякденному житті розвинутих суспільств Заходу. Об'єкт його переважно уваги – «нічийні простору» місця короткочасного і анонімного проживання, швидкоплинного проходу і проїзду, метро, вокзали, аеропорти, готелі, супермаркети. У статті «До сучасності» з книги «Антропология для сучасних світів» розповідається про сучасний стан антропології як науки і її взаємозв'язку з сусідніми їй дисциплінами. Автор висвітлює різні аспекти критики антропології минулого в сучасному світі і пояснює її недоліки. Одним з ключових понять сучасної антропології автор називає поняття офсайду, використовуючи його як критерій оцінки.

Ключові слова: антропология, сучасність, етнология, пост-сучасність, суспільство.

Marc Augé is a French expert on ethnology of modernity and post-modernity, a researcher of developed Western societies' daily life. In an essay and a book of the same title, "Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity" (1995), Marc Augé coined the phrase "non-place" to refer to anthropological spaces of transience that do not hold enough significance to be regarded as "places". Examples of a non-place would be a motorway, a hotel room, an airport or a supermarket. The article "Toward Contemporaneity" from the book "An Anthropology for Contemporaneous Worlds" is about the present state of anthropology as a science and its relationship with its attendant disciplines. The author covers different aspects of the anthropology of the past and

explains its shortcomings. One of the key concepts of contemporary anthropology, according to the author, is the concept of offside, which he uses as a criterion.

Keywords: anthropology, modernity, ethnology, postmodernity, society.

Как это ни парадоксально, все размышления о том, как возобновить антропологию используют традицию. Мышление антропологов о своей дисциплине всегда было неотделимо от их мышления о своем отношении к другим дисциплинам, о доминирующих моделях интерпретации в социальных науках, а также об изменениях, которые непосредственно влияют на эмпирические объекты. В связи с этим, антропология всегда была исторической; то есть, осознавая, что она наблюдает мир, чья эволюция требует, чтобы он двигался и менялся. Но существование богатого корпуса позволило дисциплине стать модной. Возобновление антропологии всегда вовлечено в критику существующих работ и пересмотра теорий антропологии. Какими бы ни были конфликты, порождаемые этой «ревизионистской» традицией (очевидно, никогда не бывает единодушия ни о том, как определить объекты или какие способы интерпретации использовать), антропология становится все более чувствительной к интеллектуальному вызову, создаваемому современностью, формы которого совершенно новы. Рассмотрение моделей критики, развитые дисциплиной, покажет, как она постепенно отказывается от миражей бегства, изгнания или экзотики, как она учится противостоять миру, частью которого является.

Можно выделить несколько таких критических, ревизионистских моделей. Первое, что можно назвать, с почтением к Эдгару Аллану По “Украденное письмо”. Как могли наши предшественники не видеть, или не принять во внимание тот факт, который был прямо перед их глазами? Эта критика может быть выражена в общих чертах: как можем мы не принять во внимание экономику, историю, женщин? Или это может привести к переосмыслению того как действовать в рамках конкретного исследовательского поля или как сформулировать конкретную проблему?

Во второй модели, критик использует эмпирические данные, собранные в каждом конкретном случае (либо его или ее собственные доказательства или чьи-то еще), чтобы сбросить общее теоретическое положение. В некоторых случаях доказательства представлены, чтобы улучшить или усложнить общую модель, и иногда это результат достигается. Чаще всего, однако, он призван привести к аннулированию убеждение, что общая теория может иметь любое использование.

Мы можем квалифицировать третий тип критики с помощью термина, заимствованного из футбола – «офсайд». Здесь индивидуальному антропологу объявляют офсайд из-за конкретного эмпирического объекта, который он выбрал или который определенным образом относится к нему. То есть, его обвиняют в попытке «отметить цель» с позиции последнего защитника антропологической легитимности, находящегося вне обсуждения. Правило офсайда может развиваться со временем, потому что антропология как историческая практика по выражению Мишеля де Серто, зависит от учреждения, в котором можно изменить условия аккредитации. Такое изменение связано с нахождением путей решения внутри учреждения. Четвертый тип критики связан с осознанием антропологов контекста господства, в которых они часто осуществляют свою профессиональную деятельность. Мы могли бы назвать эту модель «перекладываемая вина»: каждому антропологу присуще обвинять своего предшественника. В этой модели,

современные постмодернисты, также как и вчерашние структуралистские марксисты, делают ту же ошибку, в которой они упрекают других: этноцентризм, интеллектуализм, подчинение господствующей идеологии, и так далее. Проблема заключается в том, чтобы выяснить, остается ли критика эпистемологической, подвергая нелогичности или неуместности данную интерпретационную модель, или только поспешный перевод на научном языке о том, что в действительности является моральным или политическим протестом.

Пятая и последняя модель является более композиционной, чем другие; она содержит аспекты всех предыдущих моделей. Здесь автора упрекают за то, что он говорил о том, скорее, что он сделал, а не за нечто другое; точнее, оспаривается его право определять свою собственную аналитическую перспективу и построить свой собственный интеллектуальный объект. Неуместные обвинения, которым структурализм часто подвергается, являются примером такого рода недоразумения, в котором глобальная гипотеза не подвергается сомнению в том, что она есть, но он не принимает во внимание элементы, которые не включены в конструкцию его объекта. Такой критический подход явно обесценивает себя.

Тем не менее, первые четыре интересны, хотя не являются одинаково убедительными для всех контекстов. Модель украденного письма позволила антропологам открыть новые исследовательские перспективы путем вытеснения того, что Мишель де Серто называл «мобильная граница между данным и созданным, то есть, в конечном счете, граница между природой и культурой». Поразительно в этой связи наблюдать, насколько хорошо анализ Мишеля де Серто под названием «историческая операция», был двадцать лет назад развит в том, что было на самом деле весьма структуралистской перспективой, уточняющей некоторые из изменений, которые антропология испытала за прошедшие двадцать лет и некоторые из проблем, которые есть сегодня. Де Серто указал, что, например, историка уже не устраивает «перевести один культурный язык на другой»; теперь он перешел к «изменениям в культуре, элементы которой он извлек из природной среды». В ответ на труд Эммануэля Ле Руа Ладюри «История климата с 1000 года» (“*Histoire du climat depuis l’an mil*”), Де Серто искал возможность представить себе, как история трактует «природные» элементы так, чтобы превратить их в культурную среду, и как на уровне литературной символизации она управляет преобразованиями, совершенными в отношении общества к его конкретным природным условиям. Историк делает искусственной природу, беря такие вещи, как мусор, растительность и ледники, и делает историю из них. Излишне говорить, что природа в течение длительного времени была объектом изучения антропологии этнонаук, а животные и растительные таксономии занимают второе место по значимости в антропологических исследованиях. Это объясняется тем фактом, что антропология знает, как обращаться с когнитивными и социальными явлениями одновременно; Серто мог бы это назвать, в конце концов, «этнологическая операция», мы все еще прибываем в двухуровневом символическом процессе. Впрочем, этнологи (как и историки без сомнения, но еще более явно) всегда работают с тем, что уже было символично рассмотрено; во-вторых, природа, которую они интегрируют в свои анализы и тексты в таких поддисциплинах как, когнитивная, экономическая, или медицинская антропология, является природой, которая уже была тщательно социализирована. С другой стороны, внимательное изучение процессов символизации, которая начинается с изучения символов, как они

образованы посредством ритуальной деятельности, проливает свет не только на специфические биологические, телесные, материальные субстраты символического объекта, но также и показывает, следуем ли мы главным гипотезам антрополога Франсуаза Эригера, действующим в социальном функционировании и интерпретации. Это является эквивалентом механики, в которой различие между природой и культурой, а также между человеческими отношениями к природе и социальными отношениями, уже не актуально. Природа как таковая создает символические практики и природу как ресурс, который можно эксплуатировать и как условие производства товаров и репродукции человека, в настоящее время изучают интенсивно с антропологической точки зрения, характеризующейся отказом ограничить объект к социальному содержанию, лишению представлений о материальной субстанции. В своих самых последних и разнообразных формах, антропология познания, экономики, символических процессов как они есть, выражает эту готовность принять во внимание природу – такая же готовность, открытая Мишелем де Серто, в которой был новый и совершенно другой тип исторического исследования.

Критика эмпирических данных против теоретических систем и проще, и сложнее: проще в тех случаях, когда заражена наивностью или недобросовестностью, должна указывать на теоретическую близорукость критика или его плохое понимание фактов, показываемых в признании недействительной теории, но более сложна в том, когда речь идет о критике целой интерпретационной системы. Критика данных поднимает вопросы связи между системой, материей и событием, которые не укладываются в нее, и между конкретным случаем, и общим правилом. Это правило в антропологии, конечно, такое же, как в естественных и биологических науках: все должно быть подвергаться испытанию реальности. Ни одна теория не может прогрессировать, т.е. не может приобретать более интерпретативную эффективность, если ей не пришлось противостоять провокации, сопротивлению, и даже опровержению фактов.

Антропологическая модель в самой структуралистской версии является индуктивной. Требуется опыт работы в поле, подключенный к определенному месту. Следует делать выводы из этого опыта по обобщению модели интерпретации. Отправная точка является уникальным местом, укореняясь в той или иной реальности. Целью этнолога является, в конце концов, не углубиться в исследуемую группу больше, чем это должно быть, но обнаружить важность того, чему она научилась на местном уровне в более широкой географической и социальной сфере (соотношение локального и глобального). Цель состоит в том, чтобы разработать общие модели из исчерпывающего исследования каждого конкретного случая. Как показал Леви-Стросс, высокая степень абстракции может быть достигнута, не прибегая к количественным данным, на примере развития различия между механическими и статистическими моделями. Для этнолога, анализ частного случая важен для того, чтобы заложить основы для интерпретативной модели. Это имеет решающее преимущество перед использованием статистических процедур.

Этнолог принимает собственные представления и конструкции в качестве отправной точки, вместо того, чтобы идти в поле проверить или опровергнуть гипотезы, построенные за его пределами. Анализ, конечно, может быть основан на количественной обработке данных. Систематическое использование компьютера позволило Франсуазе Эригеру проверить закономерности, и, таким образом,

продемонстрировать правила и условия в «полусложной» модели супружеского союза (термин «полусложный» относится к системам, которые не предписываются, в которых каждый человек может вступать в брак, вместо того, чтобы исключить определенные типы брачного союза через ряд запретов). Этот тип является исчерпывающим потому, что все интерпретативные системы, которые были испытаны, подтверждают, что индуктивная гипотеза имеет очень прочную основу. Может ли гипотеза быть обобщена в модель интерпретации, определяется не только путем проверки на наличие или отсутствие определенных существенных признаков, но и путем оценки способности к обработке других частных случаев. Правила, обнаруженные Эритьер для управления функционированием полусложных систем, применимы не только к африканским обществам, но и к другим формам супружеского союза. Критика офсайда поднимает различные проблемы, центральной из которых является, как определить дисциплину и ее объект. Эта критика будет иметь решающее значение, когда будет исследоваться вопрос о том, является ли возможным для текущей антропологии определять новые объекты исследования. В этой модели, изобретатель новых объектов подвергает себя осуждению или молчанию блюстителей антропологической ортодоксальности и попытки соблазнения или кооптации путем неразборчивости представителей других дисциплин. Обе группы находятся в согласии с тем, что обе они провозглашают громко и ясно: новое исследование – не антропология. Либо это выходит за пределы антропологии (положение «офсайд») или относится к смешанному или расплывчатому жанру, где разница между дисциплинами больше не имеет никакого права на существование (тезис провозглашен существованием дисциплинарных периферий, для которых повседневная жизнь, человеческое воображение, и человеческое тело достаточны сами по себе, и все виды процедур мы можем применить к ним). Другие исследователи, которые во время колониального периода пытались интегрировать ситуацию, в которой они работали и использовали свое определение объекта, имеется в виду особенно Баландые и его концепцию «колониальной ситуации», более или менее относились к положению вне игры. Показательно, что в 1955 году Баладые стремился сделать манифест посвоевременности и актуальности его объекта, назвав работу «Современная социология Африки» (вернемся к вопросу о том, какое минимальное и необходимое определение «антропологии» должно быть). Остается открытым вопрос, может ли антропология как таковая, что-то сказать о новых ситуациях в истории, которые накладываются в ускоренном темпе с момента деколонизации; имеется ли в ней что-то специфически антропологическое; то есть то, что не может быть сведено к одной из тех ситуаций, анализируемой социологами, демографами, историками. Не было бы ничего удивительного или скандального в признании того, что дисциплина, которая всегда определяла себя как работающую с настоящим, потеряла свой смысл, если объекты, которые она изучила, должны были бы исчезнуть из настоящего времени. С тех пор она может посвятить себя изучению атемпоральности исторических деятелей, став фактически исторической антропологией. Получив в наследство от своего прошлого особую склонность к поимке и определению социальных явлений дарения подарков, жертвы, мифа – будет иметь многочисленные трактовки различных проявлений таких явлений в своем распоряжении, которые могут затем быть сравнены. Но, возможно, мы еще не идентифицировали, не говоря уже о том, что выучили все уроки, которые можно

извлечь из опыта работы в колонизированных землях. И нам бы не мешало помнить (как было показано), что некоторые явления, связанные с колонизацией, можно было бы эффективно изучать только антропологией. Принимая во внимание все вопросы, которые современный мир задает этой дисциплине (хотя «антропология» используется несколько неопределенно иногда), безусловно, полезно пересмотреть определение дисциплины с целью изменить его.

Критики, которые превращают перенесение вины в категорию, убеждают нас в необходимости отражения настоящего. Они предписывают диалог между наблюдателем и наблюдаемым, давая наблюдаемому возможность говорить, признавая равенство наблюдаемых и наблюдателя, по выражению Джоннаса Фабиана. Это то, что делает такие критические анализы стимулирующими и показывает наиболее четко открытость их авторов к обновлению, хотя мы можем сожалеть, что в некоторых случаях, из-за недостатка информации, они представляются, как программа вопросов, которые будут рассматриваться в настоящее время и в будущем. Как отмечает Джоннас Фабиан, все другие антропологические школы игнорируют современность своих объектов именно потому, что они создают людей, которые изучают объекты. Потому что антропологи создают чужие «представления» об объекте описания и отражения, принимая их во внимание только в качестве источников информации, они исключают возможность диалога с ними, диалога, который предполагает, что собеседники современны и равны. По мнению Фабиана, это происходит независимо от теоретических и политических взглядов антропологов; он упрекает «марксистских» антропологов в совместном использовании «с буржуазной позитивистской антропологией некоторых фундаментальных предположений о характере этнографических данных и использовании «объективных» методов». По словам Фабиана, «Другой» никогда не принимается как наблюдатель-современник: «Отсутствие Другого в нашем времени было его способом присутствия в наших рассуждениях как объекта и жертвы». «Это означает, что мы никогда не оценим первобытного как создателя; точно так же, когда сравниваем себя с примитивом, мы не произносим суждение о том, что он думает и делает, мы просто классифицируем способы, которыми он думает и действует». Критика Фабиана базируется на ряде антропологических работ, в котором он указывает на регулярное использование понятия «расстояние» и пространственных метафор в этнологических работах. Он развивает свою критику позитивно в своем заключении, предложив «несколько отправных точек» для «теории coevalness», coevalness понимается как противоположность allochronism, что само по себе определяется как большой миф антропологии. Эта новая программа ориентирована в значительной степени на понятие языка. Идея современности беспокоится, прежде всего, о самих условиях языкового обмена: материальность языка для Фабиана неотделима от материальности «сознания» Маркса и это носит временный характер. Традиционно, Фабиан утверждает, что антропология отрицает временную материальность языкового общения, в то время как именно временное измерение «подразумевает современность от создателя и продукта, говорящего и слушающего». Признавая материальность языка, который также связан признанием марксистской точки зрения о том, что социальные различия всегда существовали и будут существовать одновременно (одно из практических следствий этого является то, что наблюдатель в антропологическом запросе обязательно является частью того, что он наблюдает), позволяет довести до глубокого внутреннего противоречия в

антропологии: опыт работы на местах является опыт современности, в то время как антропологические интерпретации – “allochronic”.

Йоханнес Фабиан говорит, что самое интересное в глубоком интуитивном понимании того, что многие этнологи почувствовали: неравенство не только в материальном и социальном положении, но интеллектуальном, что характеризует с самого начала позиции следователя и «информатора» (этот последний термин, кроме того, весьма показателен). Существует проблема перекрестных целей или двуличия, в их отношении, ибо, вступая вместе в исследование одного и того же субъекта, они не говорят об одном и том же. Опрашиваемый говорит с реальным интересом об истории деревни или группы, в то время как интервьюер, прежде всего, ищет подтверждения части информации, которая уже собрана, или какой-то другой «подсказке». Такая ситуация обладает некими чертами в отношении проведенного на поле времени, которое регулярно делится между процессом сбора информации и повседневной жизни (оказанием основной медицинской помощи, обменом новостями, приемами пищи). В связи с этим, мы могли бы пойти дальше, чем Фабиана и предположить, что это следствие самих обстоятельств, которые создают временную паузу между наблюдателем и наблюдаемым. Многочисленные рассказывания о том, что информатор охотно предоставляет каждый день (он думает, что он понял, что следователя интересует и, таким образом, он не ошибается), начинают работать против согласованности исследователя, постепенно вводя его в «материалы», собранные, или, вернее, обладающие согласованностью в отношении двух различных целей. Цели этнолога и информатора начинают расходиться все более и более отчетливо. Действительно, информатор может однажды заметить, что его информация представляет меньший интерес для исследователя, чем это было день назад, хотя он, вероятно, не знает, почему так происходит. С точки зрения этнолога, эта информация становится излишней.

Существует два дистанцированных эффекта в этой работе. Во-первых, allochronism осужден Фабианом, очевидно потому, что мы всегда считали реальность вневременным статусом «фактов», которые антрополог собирает, даже если эти факты являются историческими. Во-вторых, обращение исследователя к информатору, который выступает в качестве посредника между наблюдателем и наблюдаемым, исследователем и исследуемым, поставщика информации, которая не всегда касается его или ее лично (на самом деле, сама жестикация, представляемая в качестве информации может отдалять её осведомителя от его содержания или произнесения), часто, на самом деле, уводит дальше от реального контекста данного факта или содержания данного предложения. Это, конечно, тот случай, когда часть доставленной информации является ответом на вопрос, который касается, прямо или косвенно, представления о реальности болезни, например, колдовства, наследственности. И, как Фабиан понимает, следователь расширяет эту дистанцию, приняв позицию интеллектуального нейтралитета, путем обсуждения не содержание предложения, а, скажем, его значимости для другого предложения, записанного ранее: «Как этот молодой человек живет с его дядей по материнской линии, если место жительства в этом обществе патрилокально?»

Хотя такие дистанцированные эффекты в большинстве случаев совпадали с резко очерченной социальной дистанцией типа колонизатор/ колонизированный или администратор / администрируемый, также верно то, что мы не можем путать второй тип с первым. Многие полевые этнологи были чувствительны к разным, а

иногда и противоположным ролям, в которых их представители играют различные роли в различных обстоятельствах (Жанна ФавреСаада, например, теоретизировала необходимость ее участия в ситуациях, которые она открыла миру). Любой наблюдатель ситуации, в которой были приняты на работу переводчики и вовлечены в наблюдение, обязательно замешан в этой ситуации, неважно, знает он или она или нет. Это может быть источником значительных трудностей. Герард Аль Трей, первый антрополог, который систематически проанализировал влияние наблюдателей и наблюдаемых соответственно, но взаимозависимых представлений друг с другом в своем исследовании. Автор подчеркивает тот факт, что расстояние между исследователем и объектом исследования не представляет собой простое смещения, для которого другое напряжение смещения может быть замещено, а скорее сдерживающий фактор, с которым этнолог должен вести переговоры.

Я кратко представил книгу Иоганна Фабиана в качестве примера переданной критики. Но это также приводит к более широкой дискуссии современности. Основная идея работы имеет важное значение; в будущем, условия антропологической операции вполне могут подразумевать как методологическую необходимость более открытого и, возможно, даже более прямого интервью между антропологом и его собеседниками. Абсолютная ясность в этом вопросе, конечно, связана с объяснениями этнологом желаний своих информаторов, и какие он хочет использовать средства для того чтобы достигнуть этого. «Важно помнить, однако, что природа диалога значительно зависит во всех случаях от построенного объекта исследования, а здесь некоторые из выводов Фабиана становятся причиной дискомфорта. Я упомяну два из них, потому что они затрагивают существенные вопросы. Первый включает в себя понятие времени. Потребовав, чтобы наблюдатель признал реальную современность себя и наблюдал это, Фабиан опровергает заранее понятный упрек, что он не заинтересован в концепциях времени, характерных для исследования группы антропологов. На этот раз здесь не имеет значения, как он объясняет, против чего он протестует, является отсутствие другого из нашего времени. Чуть больше этнографии других времен не будет иметь никакого влияния на это отсутствие. Обоснованность этого утверждения вряд ли самоочевидна: было бы трудно быть своевременным только одному. И позиция остальных «в отношении времени человека, наблюдающего их, вовсе не является безразличным делом. Нам не мешало бы помнить, что в любом случае остальные провели большую часть своего времени, пытаясь расположить себя по отношению ко времени тех, кто вторгся к ним. И они не пытались решить проблему только одним способом. Они либо возобновили культ предков, в некоторых случаях это означало ассимиляцию вновь прибывших к этим предкам (иллюзия, которая быстро распалась) или прогнозировали себя в будущее. Этот второй ответ, из которого европейская история уже предложила множество примеров, «существует в различных формах, был наиболее частым в ситуациях контакта и господства. С этой точки зрения, требования доминирующих были больше похожи на спрос на отсроченную современность. Пророчество, сделанное в 1914 году в Кот д'Ивуаре пророком Уильямом Уэйдом Харрисом, может выступать в качестве модели этой отсрочки: «За семь лет Черное будет как Белое». Идеал того, что «равный говорит с равным» следует при движениях, возможно, неправильно обозначенных, как синкретические. Такие движения, вероятно, более интересны тем, чего от них ожидали; чем за то, во что они превратились. То есть, они являются более показательным, если мы

проанализируем их как предвосхищенную ситуацию, которая сегодня является общей, глобальной «интернационализацией», чем, если бы мы просто измерили их по отношению к реконструированному предыдущему состоянию (что подразумевает «синкретизм»). Очевидным, но важным фактом является то, что такие движения являются реакцией на то, что происходит сейчас. Мы можем легко согласиться с Иоганном Фабианом, что «allochronism», вероятно, виноват в этнологизации отношений, которая толкает антропологов смотреть, в первую очередь, для «чистого старшинства» за возникновением барокко в настоящем. Именно по этой самой причине, они часто не придают достаточного значения практическим и творческим аспектам общества, которые они изучают, или, позвольте добавить, протополитическим религиозным движениям в этих обществах. Этнолог часто рассматривает такие элементы реальности, как занавес, который должен быть в стороне так, чтобы он может достичь своего чистого идеала. На самом деле, они выражают и используют отношение во времени так, что мы не можем игнорировать его, если мы действительно озабочены реальной современностью собеседников, о которых идет речь. Только сейчас, в довольно ослепительном свете обобщенной ситуации культурного обращения, мы можем осознать, что извержение внешнего мира в их общества означает для некоторых народов. Также, только сегодня существуют условия в современной антропологии для возникновения диалога между наблюдателем и наблюдаемым, где оба признают друг друга, несмотря на то, что продолжают занимать разные и неравные позиции. Современность не может быть указана; превращение мира накладывает это.

Второй сомнительный вывод Фабиана предполагает само понятие инаковости. Мы можем полноправно упрекать его, наряду с американскими постмодернистами, за недооценки или утаивания преобразования мира, как мы воспринимаем через себя, за представления упрощенного образа, который установил мировую систему доминирования Запада (Запад, чьи границы кажутся довольно расплывчатым) против другой, такой же неопределенно этнографической, чье существование может быть определено только по отношению к этой другой, и неопределенной, Западу. Последние предложения времени и другого в этом отношении весьма показательны.

Для того, чтобы утверждать, что примитивные общества (или что-либо, что их теперь заменяет как объект антропологии) являются реальностью, а наша концептуализация – теорией, нужно знать антропологию. Если мы можем показать, что наши теории их обществ являются нашими практиками способа, которым мы производим и воспроизводим знания Другого для наших обществ, мы можем, перефразируя Маркса и Гегеля, поставить антропологию на ноги.

В то время как у постмодернистов: «другой такой же, как другой в классической этнографии, хотя и более образованный и более требовательный, другой Фабиана – другой из «примитивных обществ» наименованием места происхождения товара, он не уточняет), хотя эти общества и их роли могут быть заменены их эквивалентами, которые сами по себе остаются весьма неопределенными: «все, что заменяет их теперь в качестве объекта антропологии». Удивительно, что это мышление представляет себя также легко, как диалектика остается заключенной в основные категории. Если распределение ролей на «антропологической» сцене действительно было зафиксировано раз и навсегда, как предполагает Фабиан, эта сцена не сможет предложить ничего, кроме теней. Не заглядывая в будущее, предполагается, что есть «наши» теории другого (под которыми имеются в виду теории о примитивных

обществах, разработанные в Европе и Соединенных Штатах); наша практика, «наша» манера продуцировать другого, который нас устраивает; проблема антропологии сегодня начинается там, где книга Фабиана заканчивается очевидным фактом, о взятии Фабианом в скобки того факта, что другой изменяется.

Это означает, что наша критическая позиция должна измениться. Непрерывающийся ревизионизм, которым характеризуется антропология, был и продолжает оказывать положительное влияние в том, что он приучает антропологов рассматривать множество различных точек зрения, напоминает им о необходимости непосредственного опыта, и обращает их внимание на условия, при которых были приобретены их знания и составлены гипотезы. Они научились не обманывать себя словами, не двигаться во «вселенную признания», где высказывания их конкретного племени не могут быть поставлены под сомнение. Наилучшими изменениями являются те, которые учитываются как изменения с позиции наблюдателя и наблюдаемого. Пересмотренная концепция этноса разработана рядом африканистов, среди которых Жан-Лу Амсель и Жан-Пьер Дозон, не отрицает актуальность концепции, а изменяет её содержание, таким образом, составляя тот факт, что потомки тех, кто когда-то были оскорбительно унифицированы административным указом, часто первыми используют идентифицирующие категории захватчиков, их этнические наименованиями, в разработке их собственных социальных, экономических или политических стратегий. Концептуальная версия является здесь полезным инструментом для анализа текущей политической ситуации в Африке.

И концептуальный пересмотр – именно то, о чем идет речь в более широком масштабе. Если, как я полагаю, нет домена или герой не может «считать офсайда для антропологии, и если дисциплина не предполагает потерю или исключение себя в неконтролируемом стремлении к полям и объектам в нынешней ситуации, а скорее определить и построить эти объекты в соответствии со своими собственными требованиями; если конкретная эмпирическая реальность должна остаться заданной и единственной, то тон задает критерий в развитии всех теоретических моделей и, при условии, что настало время перестать думать о словах и ответах, лишь как об источниках информации, а также участие в совместной разработке знаний, где мы должны сосредоточить наши усилия на настоящем и будущем времени. Эпистемология заканчивает историю науки, которая имеет значение лишь по отношению к наукам, которые разрабатываются и практикуются в настоящее время. Точно также, антропология как социальная наука настоящего времени, может продолжаться только тогда, когда она берет на себя обязательство, ведущее к более глубокой двойственной сложности, которая состоит, с одной стороны, из накопленных знаний, опыта, а также результатов ее критического самоанализа собственной комплексной истории, а с другой, её объекта, сложность которого выражается быстрыми изменениями в истории. Сложность физики, говорят сегодня, несомненно, является результатом улучшенных средств исследования и расчета: само мышление становится все более сложным, поскольку оно сталкивается с реальностью, которая не может быть схвачена с помощью простых инструментов.

Сложность, обнаруженная у социальных наук, в частности, антропологии, принципиально не отличается. Мы можем, конечно, думать, что в той или иной степени, горизонтом и ориентиром для всех людей сегодня является планета в целом; многочисленные радикальные технологические изменения, влияющие на землю, очевидно, не без последствий, как мы видим, в настоящее время постоянно

воссоздаются. Но, с другой точки зрения, мы можем также спросить, становится ли сложность очевидной для нас, это на самом деле не улучшило способ смотреть в будущее. Прошлые миры не были простыми, но они не «обшались» друг с другом (в том смысле, что разные пространства в том же доме, называются «проходные комнаты»), или только в редких случаях, и, во всяком случае, меньше, чем это делается сейчас. В этом смысле они не были современниками друг друга. И когда, с помощью легенд или битов информации, мы смогли набросать образ другого места, тот образ был образом другого мира: Эль-Дорадо, место чудес и монстров. Мы только учимся представлять сложное прошлое планеты, которая до недавнего времени никогда не была захвачена во всей своей полноте одной точкой зрения (даже сегодня мы были бы в затруднении, чтобы найти специалиста, способного нарисовать единую картину мира во времена, когда Афины и Спарта поочередно доминировали на греческой сцене). Если мы осознаем тот факт, что сама по себе технологическая сложность стремится играть роль упрощения эффекта гомогенизации, мы должны логически заключить, что сложность предшествует инструментам, которые восприимчивы к его поимке и созданию его явным. Сама сложность, вместе с реальными проблемами, создается для «полной» разведки интеллекта или «признания», упомянутых в главе как доказательство того, что знание прогрессирует и что наука является эффективной. Это также применимо и к общественным наукам, хотя они должны учитывать явления, которые и несут историческую дату и обладают непоправимым демографическим ростом сейчас, ростом городов, развитием телекоммуникаций, и других явлений, которые одновременно пропитывают сложностью, выявленные улучшенным наблюдением, способствующим этому улучшению, а также создающим условия для эффективной жизни современности. Возможно, пришло время и для антропологии, потому что наша нынешняя реальность многогранна; чтобы двигаться вперед, надо предлагать элементы перспективной критики, чтобы использовать их сегодня и завтра

*Рекомендовано до друку науковим керівником
к.філос.н., доц. О.С. Петриківською
Стаття надійшла до редакції 15.06.2016*